

Борис Иванов

КУЛЬТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ЦЕЛОСТНОЕ
ЯВЛЕНИЕ

Когда несколько лет назад была предпринята кол-лективная попытка – дать первичное описание культурного движения, авторы не могли прийти к согласию, потому что придавали разную значимость различным его сторонам, не могли соответственно прийти к единому мнению и относительно времени его возникновения.

Высказывалось мнение: культурное движение не прекращалось никогда. И в годы жесточайших репрессий, когда произведения, отступающие от жесткого канона только потому, что они существовали в "объективной форме", могли навлечь на человека угрозу уничтожения, свободное творчество продолжалось. Эту точку зрения можно назвать онтологической. Свободное творчество рассматривается как фундаментальный атрибут бытия. Жить не стоит, если свобода и творчество невозможны. Культурное движение, в конечном счете, основывается на не-авторитарном типе человека. Среди непосредственных предшественников сегодняшнего культурного движения называют Ахматову, Мандельштама, Булгакова, Платонова, Пастернака, Введенского, Хармса, Филюнова и др.

Второе мнение – культурное движение возникает сразу же после смерти Джугашвили. Можно действительно показать, что после смерти Джугашвили появились признаки культурного оживления – так называемая "оттепель", которая среди гуманитариев обнаружила глубокую неидентичность в области мысли, настроений, эстетических вкусов и т.д. Тогда неофициальные точки зрения привели к неофициальным формам общения – кружкам, группам, хотя в то время и немногочисленным. Возник как тип подпольный писатель, поэт, художник, философ, социальное общение которого ограничивалось кругом доверенных лиц. Причастность к кружку основывалась на признании культурного достоинства творчества человека, на признании автори-

тетности его оценок, не зависящих от того, признан он официально или нет. В этих кружках уже была возможна передача творческого опыта и формирование иных традиций.

Эту точку зрения можно назвать культурно-исторической, поскольку культурная деятельность ставится в прямую зависимость от социально-исторических условий.

Третье мнение: культурное движение начинается с 1956 года. Основной аргумент — разоблачение культа личности Сталина — имело характер шока, одновременно задевшего в с e х. Появилась некоторая общая точка отсчета, некий сверхфакт, как общее и критическое содержание, — содержание, которое необходимо было раскрыть во всей полноте и во всех проявлениях. Поскольку официальное обещание сделать это, не было выполнено, раскрытие как документальное, так и аналитическое стало сверхзадачей неофициальной гуманитарии, как выполнение нравственного исторического долгa. Каждое произведение культурного движения так или иначе, прямо или косвенно восходит к разоблачению культа личности, как своему исходному моменту и событию. Историческое и нравственное должно соединиться. Культурное движение, таким образом, получает нравственное толкование.

И, наконец, четвертая точка зрения утверждает, что культурное движение следует рассматривать как явление, возникшее совсем недавно, — с того времени, как художникам удалось добиться легализации, то есть с того момента, как неофициальность и незаконность перестали быть синонимами. Неофициальное свободное творчество обрело право на существование, хотя и не обрело право быть включенным в нормальный культурный процесс. Культурное движение стало общественным явлением: с квартирными и полуофициальными выставками, с салонными и полуофициальными выступлениями поэтов, с неофициальными, но легальными изданиями — жур-

налов, альманахов, сборников, с семинарами, докладами, коллекциями. Это уже не кружки, а среда, в которой многие лично не знают друг друга, но знают произведения друг друга. Возникает критика и предпринимаются первые попытки осознать движение в целом.

Каждый может считать то или иное мнение наиболее убедительным. Однако все сходятся в том, что перед нами явление, которое уже имеет свое прошлое.

Что такое культурное движение в его настоящем?

Культурное движение - это поток произведений искусства, философских, искусствоведческих, богословских работ, - неофициальная гуманитария, в конечном счете - текстуальная непрерывность. Это его авторы и формы взаимосвязи между ними, а также между авторами и читателями, зрителями, слушателями.

Значимость движения не фундирована ее социальным положением, привилегиями его участников; оно не включает в свою структуру каких-либо механизмов экономической зависимости. И хотя хлеб насущный - забота каждого, эта забота не конституирует ни общие цели, ни экзистенции творческого труда. И хотя мотивы творчества и его тематика коррелируются с социальным положением автора, общественным мнением, восприятием произведений другими, со степенью опасности свободного творчества, автор свободен осознавать эти мотивы и темы, как негативные. Теория отражения, заметим, характеризует не столько культуру, сколько интересы определенной критической школы, усматривающей фундаментальные ценности не в творчестве, а в других феноменах бытия.

К культурному движению неверно относить то, что текстуально не выражено, и те воздействия, впечатления, мнения, которые возникают у его адресатов. Ибо культурное движение не предписывает, не призывает, не контролирует свое воздействие, и как целое оно отвергает манипуляцию общественным мнением и не входит в инсти-

туры моделирования поведения людей. Культуру неверно отождествлять с общественным мнением, а ее развитие - с социальной историей. Это было принципиальной ошибкой русской критики, начиная с Белинского и Стасова.. Каждый автор прекрасно знает, как неадекватно воспринимают читатели и зрители произведения, и как не идентичны во мнениях они между собой.

Обозначим проблемы, которые решает культурное движение, как целое.

1. Культурное движение духовно, идеально и эзистенциально решает проблему: становление личности в конкретных исторических условиях. В отличии от других форм самоутверждения личности, в культурном движении значимость личности утверждается не в голословности индивидуалистических заявлений, а в самобытном профессиональном творчестве. То, что некоторыми воспринимается как слабость: отсутствие у культурного движения "единой платформы", - есть условие свободы внутри самого движения и условие его обогащения. Оно вырабатывает внутри себя основы такой этики, без вождизма, без клятв преданности и других атрибутов авторитарности и принудительных взаимоотношений между людьми.

2. В широком смысле - культурное движение выступает как тенденция к изменениям и открытости. Тенденция к изменениям вытекает из самого характера культурного творчества, поскольку к "продуктам культуры" относится только то, что является чем-то новым, но не репродукцией. Проект изменения, как он может быть аналитически извлечен из конкретных произведений, иногда ориентирован на прошлое, но и в этом случае, настоящее предстает или как то, что должно быть изменено, или это настоящее предстает в новом аспекте. Понять и занять точку зрения культурного движения как целого- это значит полагать, что его текстуальная непрерывность должна сохраняться, не ограничиваться - ни содержательно, ни ме-

тодологически и представлять перед зрителем и читателем "на общих основаниях" – то есть, представлять в виде проектов, "предложений" и предположений, не как обязательных, но не как запретных.

Культурное движение содержит так или иначе посылку, что социальность не есть нечто законченное, но подвержено изменениям. Между культурой и социальностью существует общее: культура создает текстуальность, которая открыта пониманию,, оприходованию; социальность нуждается в этой текстуальности, как возможности разрешать проблемы, которые являются скрытыми и "как бы" социально несуществующими до того, как они остаются невыраженными. Социальное оприходование продуктов культуры, таким образом, есть способ развития самой социальности. Поэтому между консервативным состоянием общества и противодействием культуре всегда существует видимая корреляция.

Можно заметить, что некоторые общественные движения, например, национальное, демократическое, религиозное, хотя и исходят из необходимости общественных изменений, занимают к культурной точке зрения критическую позицию. Эти общественные движения исходят из другой посылки, что существуют определенные ценности, которые должны необходи́мо принадлежать обществу. До тех пор, пока эти ценности лишь творчески выявляются и формируются – каждое из этих направлений развертывается как часть культурного процесса. Но с того момента, когда эти ценности объявляются в качестве искомых констант, финально истинными и когда исторический процесс рассматривается исключительно с точки зрения их реализации, эти движения утрачивают культурный смысл. Тогда авторитет ценностей и авторитет идеологов и деятелей религиозного, национального и демократического движений замыкается в радикальном консерватизме. Между реальностью и идеалами конституируется разрыв, реальность предстает в качестве профанной, а идеалы – харизматическими. Каждое из этих движений – эсхатологично. Каждое из этих

движений решительно заявляет о кризисе общества, о неизбежности его гибели; а свою программу – выдвигает в качестве условия спасения. Поэтому культурное движение с точки зрения национальной, религиозной и демократической "слишком широко", слишком ~~жестко~~ оптимистично, беззаботно. Каждое при всяком удобном случае, навязывает свою цензуру и мораль, рассматривает свободу человека, как свободу для реализации чего-то, то есть, утилитарно, каждое в отдельности сужает реальность в соответствии со своими принципами и ценностями.

Культурное движение не остается закрытым ни по отношению к реальности, ни по отношению к будущему. Его идеал не ограничивается каким-либо конкретным историческим итогом, оно, как цельное, исходит из представлений о бесконечном процессе, не завершающимся обретением конечных авторитетов. Оно свободно от эсхатологии и, как целое, не знает разрыва между настоящим и будущим. Оно аргументирует свое значение, исходя не из частных определений и не ограничивает свой язык единственным. И этим символизирует свободу социальных процессов, хотя бы в потенции.

Самый поверхностный анализ любого культурного текста, легко обнаруживает этот феномен открытости – его связь с мыслями, образами, методами, приемами различных эпох, различных направлений, с авторами, которые, возможно, при жизни были яростными антагонистами, или ничего не знали о существовании друг друга. Каждый автор решает конкретные задачи, но культурное движение в целом отвергает всякое лимитирование. И хотя нетрудно заметить доминирование тех или иных традиций, если мы рассматриваем определенный исторический отрезок, или исследуем произведение конкретных авторов, культурное движение как целое стремится прорваться к горизонту мировой культуры и существовать как его часть. Поэтому участники культурного движения в стране испытывают гордость, когда произведения некоторых авторов получают признание за пределами страны, пусть даже таких авторов, которые

им духовно не близки. Иначе говоря, культурное движение содержит в качестве латентной предпосылку, что культура, творчество является одной из основ человеческого единства. И каждая "культурная революция" воспринимается, как варварство и преступление против человечности и человечества.

Хотим ли мы в итоге, пусть дальнем, получить культурного политика, о котором можно было бы сказать: Политик, чин, — но как образован, как тонок его вкус! .., Как знает нужды интеллигенции, разбирается в искусстве и философии и т.д. — Нет, мы не хотим просвещенного монарха, мы не хотим титулованных критиков, даже образованных и пишущих стихи и драмы, мы не хотим смыкать проблемы культуры с политическими маневрами, когда писатели, поэты, музыканты толпятся в приемной культурного политика, вышибая или выпрашивая для себя и для своих приятелей и знакомых социальные заказы и привилегии. Культура должна существовать в единственной ситуации: перед лицом других. Если мы этого не хотим, если игру с политикой мы воспринимаем как недостойную, как нарушающую этику культуры, и если мы не пытаемся навязать другим свои изделия, опираясь на политический аппарат, иначе, например, "товар" не идет, то для нас становятся очевидными границы между политикой и культурой, культурой и авторитетами..

Ш. Культурное движение отчасти решает проблему неопосредованного контакта: автор-адресат: зритель — читатель. Оно элиминирует посредников в коммуникации между людьми, посредников, которые присваивают себе право эти контакты контролировать, исходя из претенциозной посылки, что им известно, какое содержание и в какой форме должно циркулировать между людьми. Это недоверие и, с другой стороны, убеждение, что вне контроля культурное развитие самым непосредственным образом подорвет основы социального порядка, будет провоцировать нарушение законности и общественной морали не было оправдано опытом уже первых художественных выставок, как в Москве,

так и в ~~Ленинграде~~ Ленинграде, а последующие уже проходили как чисто культурные события, которые привлекали людей почти исключительно культурных интересов.

В последние годы отношение официальных властей к выставкам, семинарам, неофициальным изданиям и чтениям было в основном нейтральным. Проблема коммуникации между авторами, авторами и публикой разрешалась "домашними средствами". Широту и содержательный диапазон культурного общения трудно охватить. По всей видимости в сезон 1978-1979 года ежемесячно в Ленинграде проходило от 2 до 5 квартирных выставок, по некоторым сведениям в Ленинграде действует пять постоянных семинаров по культурно-религиозной, исторической и другой гуманитарной проблематике. Некоторую информацию об этих семинарах можно получить в таких изданиях, как "Часы" и "87". Помимо указанных журналов в городе выходили и продолжают выходить другие, по большей части журналы кружков. Поэты по собственной инициативе выпускают сборники своих произведений. Каждый месяц можно было побывать на нескольких их устных выступлениях.

Некоторые из длительных и мучительных переговоров художников, добивающихся помещений для экспозиций в государственных организациях, завершились более или менее удовлетворительным исходом. Впервые, по крайней мере в Ленинградской официальной прессе, одна из выставок художников нонконформистов получила объективную и положительную оценку.

Не трудно заметить, что власти стремились пресечь всякие попытки организовать такие культурные мероприятия, которые, хотя бы косвенно, были связаны с политическими целями и силами.

Проблема неоправданного отношения автор-публика к культурное движение бесспорно удовлетворило бы, если произведения ее авторов находило бы доступ к согражданам "на общих основаниях".

Еще недавно можно было говорить о том, что культурное движение выполняет гамлетовскую задачу- связать

времена, нарушенную социальными катаклизмами, которые для России были несравненно более глубокими и длительными, чем в истории всех европейских народов: мировая война, революция, гражданская война, голод, репрессии, вторая мировая война - катаклизмы, которые изменили, по-видимому, даже генотип народа. Сейчас мы продолжаем слышать об этой же функции культурного движения, - связь времен, но важно отметить новое - при продолжающемся интересе к прошлому, этот интерес, теперь становится обычным и естественным элементом культурного развития, но не самоцелью, не простой актуализацией достижений старой культуры, не ее воспроизведением и подражанием ей. Мы можем заметить преобладание волевого и экзистенциального в сфере современного искусства, содержательного сдвига, даже в той области мысли, как религиозно-ортодоксальной, в которой очевидна попытка осмыслить духовный мир современного человека.

Культурное движение еще патентует то, что уже было создано, не отдает отчет в том, что цитирует, а не создает новое. Но тем не менее, сейчас уже нельзя говорить лишь о том, что свободное творчество "проявляет признаки жизни", что возник "субъект культуры". Культурное движение имеет свои достижения и, по-видимому, большие, чем сейчас нам кажется. Об этом свидетельствует успех некоторых произведений за рубежом, но этот признак не должен рассматриваться ни как основной, ни как всегда совпадающий с его значением для культурного движения в стране. В становлении авторов, в их творчестве, все большую роль играют их живые современники. Мы все более стоим на собственной духовной и экзистенциально опробованной почве.

П р е д п о л о ж е н и е. Мне кажется, что творческая задача культурного движения - реализм. И, что говоря "реализм", я не предполагаю возвращение к такому его пониманию, как "отражение действительности" и эстетику правдоподобия. Реализм это: 1. Экзистенциальная обоснованность духовных и социальных проектов; 2. Един-

ство личной творческой направленности, биографии с историей, т.е. осознанной и ответственной корреляцией с проблемами современности; З. Близость к "языку", которым мы говорим, как условие искренности и открытости пониманию.

С точки зрения этого реализма реализм номинального существования необходимо получает гротескно-схематическое выражение. Для культуры нет смысла ни возвеличивать, ни мистифицировать, ни мазохически созерцать то, по отношению к чему культурное движение эксцентрично. Очевидно, что культурное движение не может принять нормы, согласно которым оно существовать не должно. Между ценностями свободы, которое несет культурное движение и схемами номинального мира - контраст, как контраст между познанием и самопознанием.

Самопознание само по себе не ведет к реализму зрелости; будучи даже строгим, оно чревато нарциссизмом. Познание само по себе не выражает положение человека в мире, но только мир и среду, и обрекает на фатализм старого реализма, - реализма "Бедных людей", "Хоря и Калиныча", Акакиев Акакиевичей. Реализм культурного движения - реальность его духовных проектов, экзистенциально выношенных, исторически оправданных, не зашифрованных, но раскрытых пониманию. Это может быть осуществлено лишь в той мере, в какой духовные силы открываются как реальные, как действительные и действенные. То, что эти силы существуют, - неоспоримо, ибо само положение деятеля культурного движения имеет основанием духовный путь. Но между экзистенцией авторов и содержанием их творчества далеко не всегда откровенная связь. Часто автор понимает себя в картинах отчуждения. Он часто заворожен объективным языком философии и искусства и не может обрести свой собственный язык.

Заключение. Когда мы говорим о культурном движении, мы не должны сбиваться на перечень событий и явлений за последние годы. Культура - есть культура. В конечном счете нам приходится говорить о произведениях:

о живописи, поэзии, прозе, мысли,- и не о произведениях вообще, а их уровне, их новизне, их творческой значительности. Культурное движение не является ~~имиджем~~ филиалом чего-то,- оно самоценно, как самоцenna свобода, реализованная в творчестве. Оно утверждает одновременно свободного, творческого человека и человека, который освобождается в культуре для бытия. Культура утверждает человека свободной речи и порождает сам язык, на котором говорит свобода. Культура - есть откровение об актуальном, как искусство в целом - откровение о мире. Культура преодолевает барьер немоты - барьеры между людьми, между природой и человеком, личностью и обществом. Культура за неограниченный реализм- и в этой неограниченности - неограниченность человека. Но прежде всего культура овладевает эпохой и ситуацией интеллектуально и эмоционально. В произведениях культурного творчества видим не программы, не цели, а движение самой мысли, мы познаем более широкие жизненные структуры - реальность в ее сложности. Культурное движение - это высший тип человеческой открытости.

Из всех явлений последних двух десятилетий только культурное движение имеет характер цельного, непротиворечивого процесса. Оно адекватно самому себе. Оно никого не представляет, кроме самого себя. Оно выражает себя- и язык его выражения- есть способ его существования. Оно фактично, ибо не отсылает к чему-либо, а предстает в виде продуктов своей собственной деятельности. Оно присвоили большую степень свободы, чем какое-либо другое движение, потому что оно онтологично. Ни в одном другом движении не проявляется так явно образование личности, что невозможно без освобождения от тоталитарного и авторитарного. Оно вызывает раздражение именно этим своим качеством. Со всех сторон ему угрожают попытки завербовать.

Если бы культурное движение в своем содержании было бы эгоцентрично,- его можно было бы воспринимать, как специфическую sectу. Но оно встро-

ено в социум, как его собственная радикальная проблема, как его собственная потенция. Оно создало уже такой необычайно широкий спектр выраженного опыта, что мы еще не в силах, хотя бы в первом приближении, его осмыслить. Если мы были бы способны на это, будущее, по-видимому, было бы в большой степени прозрачно для нас.

Можно заметить, что в России наиболее глубокие прозрения были сделаны на основе понимания судьбы культуры. Все другие предпосылки, взятые, как исходные, — демократические, религиозные, национальные поражают своей противоречивостью или недальновидностью. Это потому, что в России не было более важной исторической задачи, кроме, как свободного творчества. Если свобода сама по себе — в настоящей России — есть свобода хаоса и произвола, то культурное движение объективно ориентирует деструктивные тенденции в обществе на творчество, а не разрушение, на культурные оценки, а не такие суждения, которые основаны на предрассудках, темных страстиах и невежестве. В свободе творчества — исторический ответ на целую совокупность как внутренних, так и внешних проблем, духовных, социальных, правовых и этических. Без субъекта культуры — нет культуры, а без культуры — нет способности к трансформации объектов и объективного мира.